

ГРОЗА

Ночь темна была, небо тучами заволокло. Ни звездочки не видно, ни луны, ни деревьев — все темнота собой накрыла, все в чернильный мрак окунула. Изредка только молния небо напополам рассечет, на секунды ослепительным светом озарит, и снова тьма поглотит все вокруг. Дождь тарабанил, беспрестанно стуча по окнам, благо, были они затворены. Но Мирче так и не спалось — свечку зажжет, чтоб не во тьме шагать, подойдет к окну, да все выглядывает — любопытство-то оно верней страха. Но потом гром прогремел небесный, и мальчишка присел, прижавшись к стене, прислушиваясь, пока снова осторожно не выглянул — как тут уснуть. Когда же уже молнии стали реже, и только дождь полил стеной, да громыхал гром, он вернулся к себе в постель, удобно устроившись на подушке, вытянувшись во весь рост, немного поерзав — длинная ночная рубашка порой мешала. А потом слышал, как в дверь постучали, и она отворилась, а в щели появился брат его.

— Ты чего не спишь, Влад?— приподнявшись на кровати, спросил Мирча.

— Я-то ничего,— делая вид, что ему не страшно, уверенно ответил мальчишка. А самому-то и десяти не было, и хоть частенько храбрился и порой в драки вступал, да авантюры придумывал, видел старший — грозы боится. Сила-то неведомая.— Вот он мне спать не дает, испугался...

Влад вошел в комнату, за руку ведя младшего — только теперь в темноте разглядел его Мирча. Маленький кудрявый братишка жался к Владу, вцепившись в края его рубашки, тихо плача и шмыгая носом, пугливо осматриваясь и топя босыми ножками. Старший только по-

качал головой — оба брата пришли. Очередной раскат грома заставил и смелого Влада встрепетаться — уж больно не нравилось ему это явление, страху наводило.

— Ну, раз так, идите все сюда, вместе не страшно будет, — подвел итог старший, снова зажег свечу и встал с постели, передав ее Владу, а маленького Раду на руки взял. Кроха же совсем, четверо годков только недавно набралось, а ему-то, старшему, поди, скоро четырнадцать исполнится, не страшно уж ничего.

— А ты грозы не боишься, братик? — хлопая глазами, держась за плечи, спросил малыш. Усадив его на постель, Мирча и сам залез под одеяло, и к нему же присел и Влад.

— Не боюсь, Раду. Гроза ведь пугает только немного, да отступит. Верно, Влад?

— Верно. Не грозы надо бояться — людей опасаться. От них охраняться верней. А с природой всегда в согласии быть нужно, — поучительно произнес он, но прищурился, отвернувшись, когда снова молния исказила небо.

— Иди сюда, смельчак, — рассмеялся Мирча, и средний брат тоже скользнул под одеяло, что-то про себя еще пробурчав. Так они и лежали от него по обе стороны, втроем все пережить было легче.

— Влад меня историями пугает. Расскажи лучше ты что-нибудь, Мирча, — попросил кроха, зевая, и потер кулачками глаза, встряхивая головкой — кудри вились да норовили все на лицо попасть.

— Не я пугаю, а ты еще мал, Раду, — добавил Влад с видом знатока, — вот подрастешь, станешь славным воином, нипочем тебе станут любые байки...

Мирча только легонько ткнул локтем в бок среднему братцу, взъерошив волосы ему, и без того от сна слегка лохматые, с чернотой ночи — как у отца — сливающиеся.

— Вот как подрастет, тогда и станешь рассказывать. А до тех пор другие легенды вспоминать будем... — пообещал он.

Приобняв младшего, начал тогда старший истории рассказывать про славного Фет-Фрумаса. С ними и ночь коротать было веселей, и гроза не так уже страшна была. Голос-то у брата был мелодичный, ладный — не зря же он на лютне играл, стройные мелодии извлекая.

Послушать его оба брата любили. Не прошло много времени, глянь — а

Раду уже уснул, сопит себе размеренно, ручкой ночную рубашку Мирчи стиснув. Видать, видит свои сны сказочные. Старший только на Влада взглянул, мотнув головой — мол, задувай свечу. А Влад что, ему-то сна ни в одном глазу — все бы верхом поскакать, тучи разгонять. Вздохнул он только, когда Мирча палец к губам прижал, рассказы его на полуслове останавливая — все нетерпелось.

— Утро вечера мудренее, братец. Позже скажешь,— прошептал он. Задул Влад свечу, да снова молния осветила силуэт его в темноте. Гроза уж закончилась почти, изредка лишь были слышны ее отголоски, видны последние вспышки света. Устроились все братья втроем, да так тепло и спокойно вместе стало, что и другие два старших вскоре уснули, в объятия сна угодив.

В СНЕГУ

Я потерял счет времени и давно уже если и не сдался, то просто не предпринимал попыток все исправить — это было бы ненужной тратой сил, а их у меня и так не хватало. Неба над головой — совершенно не разобрать, как и все, оно было бледновато-серым, и только летел снег своими хлопьями в глаза, что я немного щурил глаза, тем не менее, не закрывая их совсем — закрытые веки означали бы мою гибель. Я, пропитанный холодом, уже не чувствовал его, и моя кожа, под стать этой бледной серости, покрылась слоем холода и, казалось, заледенела. Я весь был как глыба льда. А снег продолжал порошить на меня сверху, словно помогая мне, раз я сам не в силах вырыть себе могилу. Я не мог пошевелить ни окоченевшими пальцами, ни едва приоткрытыми обмерзшими синюшными губами — это стало бы для меня непомерной пыткой. Складки моей одежды тоже застыли, приморозившись к телу, у которого и так не было тепла. Но, раз я все еще жив, значит, сердце находит крохи той крови, которую еще может высосать из меня. Я надеялся на жизнь. И только это оставалось моей борьбой. Поначалу гревшая спину и плечо горячая кровь, теперь уже тоже примерзла и напоминала о себе только красным пятном на снегу и небольшими брызгами. Человек умирал, и никому до этого не было дела. Да, все верно, так и есть, смерти все равно, кто ты: воин, правитель, хозяин, отец, скиталец, шут, книжник или ремесленник — она всех одинаково

приберет к своим рукам. Я надеялся на жизнь. И чувствовал дыхание смерти. Если это случится, я не почувствую боли, я не почувствую ничего. Снег заранее позаботился об этом. Снег кружил надо мной и воздавал мне почести, но он был и моим палачом. До уха медленно доносились какие-то звуки, что-то бессвязное и мешающее моему покою. Словно кто-то пытался вскрыть крышку гробницы. Секунды шли, я не считал их, но, возможно, борьба шла именно за эти секунды. Сначала раздался голос. Приглушенный и родной. Затем надо мной возник силуэт, зовущий меня, кричащий мне, отряхивающий с меня напорхавший снег, отдирающий меня от моего пристанища. Он старался изо всех сил, отколупывал со лба моего приморозившуюся челку, отдирал одежду от снега, на котором я лежал, изламывал свои пальцы и грел своим дыханием мои ладони, но я не чувствовал тепла, я ничего не чувствовал. Спасение пришло. Я не был забыт. И это произошло именно тогда, когда еще не поздно. Его слезы капали мне на руки и лицо, а я не мог их высушить и не чувствовал их. Ответить я ему мог, лишь слегка моргая глазами, на ресницы которых тяжким грузом прилипли иней. Я все еще не понимал, что он говорит. Но уже слышать его голос было для меня приятно. Он обхватил меня руками, приподнимая, тяжело дыша и неся этот груз до коня, на котором прискакал. Он всхлипывал, но не от тяжести ноши, а от того, что застал меня таким. Еще может, вероятно, от того, что не смог появиться раньше. Нести меня было не очень-то легко: мы — примерно одинакового сложения и веса, а тут еще весь этот слой холода и мерзлоты, который усугублял положение. И все же с каждым его шагом я чувствовал, что удаляюсь от смерти, что она сидит у моего места и с грустью смотрит на пятно крови на снегу. Меня вырвали, выдрали из этого сумасшедшего ада. Тогда, когда я уже сам был не в силах себе помочь, спасение явилось ко мне. Он взвалил меня на своего коня и сам сел в седло, удерживая меня, прижимая к себе, надеясь, что я почувствую тепло. Но я не чувствовал его. Ни его, ни того холодного порывистого ветра, когда мы скакали домой. Меня словно вытащили из ледяной воды и отскребли от корочек льда. Я был жив и благодарен. Теперь мне предстояла боль, когда мое тело вновь начнет согреваться, когда его укутают и пригреют. Но это уже будет боль жизни. И ради этого стоило хотеть жить.